

Л.В. Маштакова

КОСМОЛОГИЯ НИКОЛАЯ КАШМЕНСКОГО: МЕЖДУ ЯРКИМ МИРОМ И МИРОМ ТЕНИ

Аннотация. Статья посвящена эволюции ключевых пространственных образов и символических мотивов в поэзии Н.И. Кашменского, инженера, служившего на Урале в 1910-е гг., на материале двух его сборников стихов («Чары земли», 1910 г.; «У полярного круга», 1923 г.) и публикаций в газете «Зауральский край»: от декадентских мотивов, ученичества у символистов – к оптимистическим настроениям и оригинальной поэтике; от отторжения земного мира – к его принятию. Подчеркивается значимость для уральской литературы фигуры Кашменского, давшего пример качественного усвоения модернистской эстетики и составившего противовес развитой фельетонистике и литературе народнического типа в региональной периодической печати.

Ключевые слова: Николай Кашменский, Чары земли, У полярного круга, символизм, модернизм на Урале.

Благодарности. Исследование выполнено при поддержке гранта Президента РФ для молодых ученых-кандидатов наук МК-6131.2021.2. «Творческое наследие уральских поэтов и писателей в контексте исторических вызовов рубежа XIX-XX вв.».

Для цитирования: Маштакова Л.В. Космология Николая Кашменского: между ярким миром и миром тени // Филологический вестник Сургутского государственного педагогического университета. 2022. № 1 (9). С. 89–98. DOI: 10.26105/PBSSPU.2022.9.1.006

L.V. Mashtakova

COSMOLOGY OF NIKOLAY KASHMENSKY: BETWEEN THE BRIGHT WORLD AND THE WORLD OF SHADOW

Abstract. The article is devoted to the evolution of the key spatial images and symbolic motifs in the poetry of N.I. Kashmensky, an engineer and a poet who served in the Urals in the 1910s. The material of the study is two of his collections of poetry (*Chary Zemli*, 1910; *U Polyarnogo Kruga*, 1923) and publications in the newspaper *Zauralskiy Kray*: from decadent motives, apprenticeship with the Symbolists – to optimistic moods; from the rejection of the real world – to its acceptance. The article emphasizes the importance of the Kashmensky for the Ural literature. N.I. Kashmensky is the one, who gave an example of a qualitative assimilation of modernist aesthetics and constituted a counterbalance to the developed feuilletonism and literature of the Narodism type in the regional periodicals.

Keywords: Nikolay Kashmensky, Chary Zemli, U Polyarnogo Kruga, Symbolism, Modernism in the Urals.

Acknowledgement. The work was supported by the grant of the President of the Russian Federation for young scientists-candidates of sciences МК-6131.2021.2. “The creative heritage of Ural poets and writers in the context of historical challenges of the turn of the XIX-XX centuries”.

For citation: Mashtakova, L.V. (2022). Cosmology of Nikolay Kashmensky: between the Bright World and the World of Shadow. *Philology Bulletin of Surgut State Pedagogical University*, no. 1 (9), pp. 89–98. DOI: 10.26105/PBSSPU.2022.9.1.006 (In Russian).

Введение

Развитие модернистских тенденций в русской литературе хронологически совпало в начале XX века с формированием литературной жизни на Урале, наиболее прочной площадкой которого стала газета. Дискуссии той поры часто строились вокруг новых течений, на противостоянии новаторства и культурной инерции. Современные исследователи уральской литературы И.Е. Васильев и М.А. Литовская отмечают сдерживающий для развития модернизма фактор прессы: «В результате в культурном пространстве Урала долгое время доминировала эпигонская литература преимущественно народнического типа, отодвигавшая проявления модернистской эстетики» [1, с. 29]. На сибирском примере И.С. Ушакин, редактор новониколаевской газеты «Алтайское дело», жаловался в письме Ф. Сологубу: «Беда в том, что большинство “жильцов” нашего града не доросло еще до степени свободного понимания живого слова наших писателей. С грустью, это же можно сказать и про большинство городов Сибири» [13].

Но обилие нападок на авторов-модернистов, оторванных, по мнению критиков, от жизни и не отвечающих запросам общества, не означало отсутствия к ним интереса со стороны читательской аудитории. Вечера декадентского искусства, проходившие, в том числе, на площадках гимназий; интерес к современной поэзии и драматургии, к произведениям Л. Андреева и М. Арцыбашева [3, с. 191]; заполненные залы на лекциях и диспутах свидетельствуют о живой жизни модернистских идей в провинции, хотя с ними, как утверждается в «Очерках русской литературы Сибири», и велась борьба [10, с. 556–567].

Близкие модернистским идеям произведения в большом количестве обнаруживаются на страницах уральских периодических изданий тех лет. Дабы выделить среди многообразия авторов этих текстов наиболее значимых, мы обратились к их сборникам стихов, полагая, что именно сборник, обладающий структурной, архитектурной целостностью, является не только свидетельством активного присутствия автора в литературном мире, но и его полноценным заявлением о себе как о поэте.

Долгое время сборники стихов авторов, связанных с Уралом, находились вне поля зрения исследователя, если они были изданы за пределами изучаемой территории. Однако на наш взгляд, именно сборник дает более четкое представление о художественном мире автора, а его публикации в местных газетах того же периода, рассмотренные в контексте, обретают больший вес и значимость. К таким сборникам можно отнести «Чары земли» (1910) и «У полярного круга» (1923) Николая Кашменского, одного из самых публикуемых поэтов на страницах уральских газет в 1910-е гг.

Цель исследования – проследить эволюцию ключевых образов и мотивов в поэзии Н.И. Кашменского на материале вышеуказанных сборников стихов.

Результаты и обсуждение результатов исследования

Николай Иванович Кашменский (1886–1953) учился в гимназии в Екатеринбурге, окончил физико-математический факультет Петербургского университета. После учебы в 1911–1915 годах работал в госконтроле на Пермской железной дороге, в 1915–1918 годах – на строительстве Мурманской железной дороги в Кемии. В годы Гражданской войны жил в Петрограде, с 1937 – в Москве, с 1941 – в Ленинграде, работал в Публичной библиотеке имени М.Е. Салтыкова-Щедрина. В 1910 году в Санкт-Петербурге Кашменский выпустил сборник стихов «Чары земли», который посвятил жене Е.И. Кашменской. В 1923 году в Петрограде вышел второй сборник его стихов «У полярного круга». Стабильно участвовал в альманахах «Стожары» (1923–1924). В период работы на Урале Кашменский активно печатался в газетах «Пермский край» и «Зауральский край», в «Зауральском крае» его стихи выходили почти в каждом номере.

Мотивно-образный и сюжетный анализ двух его сборников стихов, а также газетных публикаций уральского периода, во-первых, дает представление о динамике его, возможно, не оригинального, но разработанного и целостного художественного мира; а во-вторых показывает, что Кашменский был внимательным читателем русских символистов.

Первый сборник «Чары земли» открывается манифестационным стихотворением «Я из тех, кто верно служит...»:

Я из тех, кто верно служит
Неизменной красоте,
Кто всегда и всюду тужит
Лишь о светлой полноте.

Я – из тех, кем души живы,
В ком – и солнце, и луна,
Ширь полей, моря, обрывы,
Радость круч и ужас дна.

В нашем сердце – неба пламя
И цветы, цветы долин,
Вольных дней живое знамя,
Нежный жемчуг и рубин.

Мы идем к волшебным странам,
И тропам утерян счет.
В нашем зове неустанном,
В наших песнях Бог живет! [9, с. 3].

Герой стихотворений этой поры – путешественник, поэт, паломник красоты, жрец красоты, вполне типичный для символизма. Подчеркивается как его близость тайнам мира, горным сферам, так и принадлежность кругу таких провидцев (отсюда обобщающее «мы»). Декларативность этого стихотворения, его позиция в сборнике, мотив служения красоте дают основание сравнить его со стихотворением «Поэты духа», которое открывает книгу «Прозрачность» (1904) Вяч. Иванова. «Мы – Вечности обеты / В лазури Красоты» – у Иванова; «...кто верно служит /

Неизменной красоте» – у Кашменского. «Не мни: мы в небе тая с землей разлучены», – пишет Вяч. Иванов; «В нашем сердце – неба пламя и... цветы долин» – вторит ему Кашменский. Он как бы повторяет принцип восхождения Иванова, который невозможен в отрыве от земли.

Здесь же, в начале сборника, проявляется как антиномичность, так и контрастность художественного мира Кашменского: его интересуют крайние проявления эмоций, красок, звуков, радость и ужас, ширь и обрыв, жемчуг и рубин (Ср. у Иванова: «Мы – всплески рдяной пены / Над бледностью морей»). Именно в этих крайностях он видит настоящую жизнь, только в них она может проявиться. Так складывается ключевое для его лирики противопоставление двух пространств: реальности, серой, безликой, тусклой, людей, лишенных особого видения, жалких, порицающих героя («Они зовут меня безумным, / Они зовут меня глупцом / За то, что к их забавам шумным / Схожу с безрадостным лицом» [9, с. 6]); и тайного мира, открытого поэту и художнику, живописуемого яркими красками. Тайный мир открывается герою как двойная бездна небес и водной стихии, разрушительная, но обновляющая и преобразующая. Прорыв к ней осуществляется через символическую смерть, которой герой страшится, но осознает ее живительную силу. «Эта идея растворения пра-единства во всем, т.е. во вселенной, и наоборот (“я весь во всем”), – пишет О. Ханзен-Леве, – в символизме очень часто ассоциируется с всецело амбивалентным символом сгорания Я (самосознания) во “всеединстве” (“я сгорел”» [12, с. 268]. Так, в стихотворении «Огонь» герой призывает «к уладам огня»:

Это лучшая смерть
В мире лжи и насилья! <...>
Он цветет и поет,
Лучших песен не жди.
Он к восторгам зовет, –
Час недолог – иди! [9, с. 25].

«В мире лжи и насилья», в тусклом мире слепых и глухих (очевидно – к более реальному миру) людей по воле рока «влачит дни» герой стихотворения «Они»:

...Бессменно тлеют, тускло светят,
Скрывают масками лицо,
Не оттолкнут и не приветят
И жизнь их – мертвое кольцо!

...Кругом заметишь свет заемный,
Кругом в почете жалкий брак...
Ни ярких дней, ни ночи темной
Всегда и всюду полумрак!

Их не пугает путь обратный,
Их дни – листки календаря,
Не их целует луч закатный,
Не их приветствует заря.
Смешно и – жутко...! [9, с. 34].

Яркие дни, темная ночь, луч закатный и заря, яркие краски, доступные герою, противопоставлены тусклому свету и полумраку. Мир людей полумрака также лишен эмоций: «их не пугает путь обратный», они лишены страха смерти. Герой же, наоборот, испытывает страх, но по отношению к полумраку: эта строка ритмически и графически выделена в конце – «Смешно и – жутко» (ср. декадентское сочетание жуткого и смешного, например, «Дьяволенок» (1906) З. Гиппиус, где герой в конце стихотворения начинает подражать найденному жалкому дьяволенку и мир вокруг него меняется, становится «Безрадостно-благополучно, / И нежно-сонно, и темно...»).

Яркий мир, соседствующий с миром теней, настоящий и подлинный может открыться не только поэту. Он возвращается к человеку как воспоминание на пороге смерти. Так, в стихотворении «Тени»:

Ярким пламенем забыты, на одной седой волне
К бездне радостно раскрытой уплываем в жутком сне...
Час пробьет – и вспомним небо, рек раздолье, кручи гор,
Луг и поле, волны хлеба, моря синего простор.
Жалко вскрикнем и поникнем, словно стебли сжатой ржи,
И еще не раз возникнем в мире злой, ненужной лжи! [9, с. 58].

Не только человек забывает яркий мир, пребывая в полумраке, но и он сам становится как бы забыт изначальным «пламенем», превращаясь в тень. Раскрытая бездна, веселый огонь – для художественного мира Кашменского характерны образы «радостной» преобразующей смерти (так, например, у Ф. Сологуба – озаряющая, освещающая путь смерть: «Увидал я людей в озареньи твоём»). Но настоящая трагедия здесь не в возврате к бездне, а в неизбежном возврате в мир. Также у Сологуба в стихотворении «Мне страшный сон приснился» (1895): «И повторился снова / Земной ненужный строй / От детства голубого / До старости седой...» Ритмически же стихотворение Кашменского, возможно, восходит к «Живы дети, только дети...».

Еще очевиднее противопоставление двух миров – в стихотворении «Там и тут», где каждое определение одного из пространств выделено в двустишие и отделено тире, составляя своеобразный диалог двух миров:

– Бездонность, ширь лазурных вод.
Волшебных зорь пожар.
– Теней печальный хоровод.
Туман. И сон – кошмар [9, с. 22].

Там – это отсутствие границ, бездонность, эмоции восторга, смеха, песен. Тут – тяжелый дым, тоска, ложь, хоровод, остановка времени. Обратим внимание, однако, что «там» – противоположное, но не существенно иное пространство, оно, наравне с миром мрака, расположено «под небом»: «Леса под небом голубым. / Простор полей». То есть разница между двумя мирами – во взгляде на них героя. «Они» – слепые и глухие, он – поэт, наделенный особым слухом и видением, но преобразующий

именно земной мир, в нем находящий бездонность и ширь (здесь снова можно вспомнить Вяч. Иванова: «И про себя даемся диву, / Что не приметили досель, / Как ветерок ласкает ниву / И зелена под снегом ель»).

Неосвященный, мрачный мир становится таковым по воле самого человека, земная природа которого внушает страх неизвестности, страх преобразования и его самого, и – через него – мира вокруг. В стихотворении «На дне долин» появляется образ шаткого (шаткого – по вине самого человека) мостика, связующего землю и небо, отсылающий и к лестнице Иакова, и к лестнице Данте (ср.: «на дне долин» – «во тьме долины»), и к их рецепции в поэзии Серебряного века:

...Все – так просто, так несложно
И в несложности – загадки!
То, что тешится над нами,
Живо нашею виной:
Мы так робко, так тревожно
Переходим мостик шаткий,
Переброшенный веками
Между небом и землей! [9, с. 44].

В 1911–1915 гг. стихотворения Кашменского активно публикует газета «Зауральский край». В них – те же образы двух противопоставленных соседствующих миров, но настроения отчаяния, безысходности и невозможности полного преодоления «серого мира» отчасти сменяет оптимистический пафос прорыва в «яркий мир»:

...Льют позорную истому
Сонмы злых дремотных сил.
К солнцу – солнцу золотому
Правьте взмах широких крыл! [6].

Или:

Зову вас, пленники запрета,
Рабы ненужной суеты,
К лучам нездешнего рассвета,
К дерзаньям горней красоты! [5].

В стихотворениях этого периода появляются мотивы стремления, полета, внимание поэта не фокусируется на темной морочной реальности, преобладают яркие солнечные образы, эмоциональные восклицания и императивы (ср. у К. Бальмонта: «Воздух прозрачный и все золотое. / Счастлив ты? Будь же счастливее вдвое, / Будь воплощеньем внезапной мечты!»; у А. Белого: «За солнцем, за солнцем, свободу любя, / умчимся в эфир / голубой!..» и т. д.).

В стихотворении «Отсветы» тот же образ «правдивых поэтов», чье искусство и они сами – отсветы «немеркнущих огней», но усиливается императивность («пойдем», «услышим», «заметим», «убежим», «заворожим»). Ритмически же стихотворение повторяет упомянутое «Поэты духа» Вяч. Иванова:

Над мертвой тишиною
Встаем иной судьбой, –
Так шумною волною
Встает в морях прибой! [7].

Рядом с образами мрачного мира появляется мотив надежды и неперемного пробуждения. В другом стихотворении, «Ключ зимой», – образ родника, который скован льдом, но быстро оживает с первыми лучами солнца: «Но ему же уготован / Светлый час иных времен!» [4]. Стихотворение он посвящает «Краю, занесенному снегом», то есть, вероятно, Уралу, где временно служит.

В 1915–1918 гг. поэт отправился на строительство железной дороги на Кеми и на Урал больше не возвращался. В 1923 г. в Петрограде вышел второй и последний сборник его стихотворений «У полярного круга», вдохновленный пребыванием поэта на Севере. Он принципиально отличается по тональности от первого сборника, абсолютно оптимистичен:

Скорей на лыжи,
Совет прими:
Держаться ближе
К реке Кеми [8, с. 11].

Северные топосы входят в поэтику Кашменского и кардинально меняют его лирического героя, основные сюжеты, темы и мотивы его стихотворений. Сборник «У полярного круга» можно отнести к так называемому «северному тексту», и в его поэтике отчетливо выделяются надлежащие тому черты и смыслы. Так, оптимистические настроения задает позиция героя-исследователя, героя-первооткрывателя. Как отмечает на примере творчества К. Жакова в своем исследовании северных нарративов начала XX в. Е.К. Созина, «по мере продвижения в глубь северной территории меняется сознание его героя: городское недовольство жизнью, разочарования в виденном уступают место его искреннему интересу к окружающему миру» [11, с. 187]. То же можно сказать о герое Кашменского: темный мир отступает перед новым для него нераскрытым миром Севера. Но специфика «северного текста» не только в таинстве открытия, предстоящего герою. По словам Н.М. Теребихина, «северный путь пролегает через горизонты мифа о вечном возвращении мира и человека к своим родовым корням и истокам, к своей покинутой прародине» [цит. по: 11, с. 184]. Путь этот наделяется семантикой чудесного, волшебного [2, с. 127]. В поэзии Кашменского – он органично развивается из более ранних увлечений поэта символизмом.

Именно здесь, в образах Севера, лирик обретает въяве краски яркого мира, к которому стремился в своих более ранних стихотворениях. Пейзаж находит тождество с художественными образами, при этом тайна, загадка, сказочность пространства остаются:

Полюбились мне краски далекого севера,
Где великий покой беспредельно разлит
И ночами мерцанье полярного веера
Неразгаданной тайной и сказкой горит [8, с. 3].

Остается и мотив изменения, преобразования знакомого мира, но уже без участия поэта: герой второго сборника Кашеменского – не деятельный участник тайных процессов, а отстраненный, внимательный и замороженный наблюдатель. В стихотворении «Белая ночь»: «Так обольстительно красиво / Знакомый мир преобразен» [8, с. 19].

В стихотворении «Над бездной» герой, плывущий на судне по северным морям, радостно приветствует стихию, уподобляя судно мечте: «Благословляем с давних пор / Мечты дерзающей живучесть / И нашу маленькую участь / Бросаем радостно в простор» [8, с. 32]. Сравним его со стихотворением «В пути» из первого сборника «Чары земли»: «Ложь в словах и ложь во взоре – / В старом брошенном краю... / Я плыву в широком море, / Светлым далям песнь пою!» [9, с. 57]. Море, челн в стихотворении первого сборника, образы, имеющие богатую, в том числе модернистскую литературную традицию, лишены конкретных очертаний. Поэт сосредоточен на собственно символическом мотиве передвижения в челне по морю – переходе между двумя пространствами, стремлением к запредельному. Во втором сборнике судно обретает конкретные очертания (лопасти винта, борта), водная стихия – имя Ледовитого Океана. Но пафос следования мечте остается прежним, приобретая большую эмоциональность.

Именно на Севере, в полярной ночи, в северном сиянии, в звездном небе он находит единство со всем миром, ощущает свою к нему причастность:

И бездна ли, надоблачная высь ли, –
Все замкнуто в пленительность одну.
Душа моя, утрат своих не числи,
Безмерную впивая тишину! [8, с. 24].

Его герой, наконец, обретает искомый яркий мир и, обретая, отказывается от противопоставлений двух реальностей, слепого и прозревшего, поэта и толпы. В этом неразделенном и непротиворечивом мире он наблюдает природу северного мира как единое с ним самим тайное и сказочное действо:

И, мировой блюдя закон,
Даря извечной благостыней,
Великий пламенный Дракон
Встает над водною пустыней [8, с. 34].

Выводы

Итак, лирика Николая Кашеменского проходит путь от декадентских мотивов, очевидного ученичества у русских и западных символистов к оптимистическим настроениям, к снятию противопоставлений и противоречий; от отторжения земного мира («Для певца красот нездешних / Что долинные цветы...» [9, с. 75]) – к его принятию в цельной природной красоте. Последнее происходит через сюжеты и мотивы путешествия по северу, открытия северной природы и ее законов.

Темы, образы и мотивы, к которым он обращается, не оригинальны и несут отпечаток богатой прежде всего модернистской традиции. Однако стоит учитывать, что литература не была его основным занятием: он был инженерно-техническим служащим, активно не позиционировал себя в литературной жизни (по крайней мере, эта сторона его биографии почти не известна), а следующей его книгой после сборника «У полярного круга» стала нехудожественная книга о механизации погрузочных работ на железной дороге (Кашменский Н.И. Механизация погрузочно-разгрузочных работ на железно-дорожном транспорте. М.; Л.: Гострансиздательство, 1932. 78 с.). Его стихотворения дают пример качественного усвоения модернистской эстетики, в том числе в более позднем творчестве «северного» периода, и стремления к оригинальным формам. Уральская же литература в лице Кашменского обрела своего поэта-символиста, могущего составить противовес развитой фельетонистике и литературе народнического типа: об этом говорит и количество его публикаций, и центральное место, уделяемое ему в литературных отделах уральских газет, если таковые собирались в номере.

Литература

1. Васильев И.Е., Литовская М.А. Проблема периодизации литературы Урала XX века (материалы к предисловию для Третьего тома «Истории литературы Урала») // Литература Урала: история и современность: сборник статей. Вып. 6: Историко-культурный ландшафт Урала: литература, этнос, власть / Ин-т истории и археологии УрО РАН; Отв. ред. Е.К. Созина. Екатеринбург: Изд-во Урал. ун-та, 2011. С. 25–37.
2. Галимова Е.Ш. Специфика Северного текста русской литературы как локального свертктекста // Вестник Северного (Арктического) федерального университета. Серия: Гуманитарные и социальные науки. 2012. № 1. С. 121–129.
3. Карташова Т.П. «На магистрали», или Развитие журналистики Новониколаевска в начале XX в. // Словесная культура Сибири в общероссийском и европейском контекстах (XIX – начало XX в.) / под общ. ред. И.А. Айзиковой. Томск: Издательский Дом ТГУ, 2019. 492 с. С. 178–193.
4. Кашменский Н. Ключ зимой // Зауральский край. 1913. № 22. 26 января. С. 3.
5. Кашменский Н. Крик орла. Сонет // Зауральский край. 1913. № 22. 26 января. С. 3.
6. Кашменский Н. К солнцу! // Зауральский край. 1913. №1. 1 января. С. 3.
7. Кашменский Н. Отсветы // Зауральский край. 1913. № 39. 16 февраля. С. 3.
8. Кашменский Н. У полярного круга. Петроград: Север, 1923. 47 с.
9. Кашменский Н. Чары земли: Стихотворения. СПб.: Энергия, 1910. 84 с.
10. Очерки русской литературы Сибири: В 2-х т. Т. 1. Дореволюционный период / Е.И. Дергачева-Скоп, Е.К. Ромодановская, В. В. Блажес и др.; Редкол.: В.Г. Одинокоев (отв. ред.) и др. Новосибирск: Наука, 1982. 606 с.
11. Созина Е.К. Северные нарративы начала XX в. (М. Пришвин, К. Жаков) // Дергачевские чтения – 2011. Русская литература: национальное развитие и региональные особенности / Сост. А.В. Подчиненов. Екатеринбург: Изд-во Урал. ун-та, 2012. Т. 3. С. 184–189.
12. Ханзен-Леве А. Русский символизм: Система поэтических мотивов. Ранний символизм / пер. с нем. С. Бромерло и др. СПб.: Академический проект, 1999. 508 с.
13. Рукописный отдел ИРЛИ (Пушкинский Дом) РАН. Ф. 289. Оп. 3. Ед. хр. 884. Л. 60.

References

1. Vasil'ev, I.E., Litovskaya, M.A. (2011) Problema periodizacii literatury Urala XX veka (materialy k predisloviyu dlya Tret'ego toma Istorii literatury Urala) [The problem of the XX Century Urals Literature Periodization (Introduction Materials for the Third Volume of the Urals Literature History)]. In E.K. Sozina (Ed.). *Literatura Urala: istoriya i sovremennost'* [Literature of the Urals: history and modernity], collection of articles, issue 6. Ekaterinburg, Ural State University Publ., pp. 25–37. (In Russian).
2. Galimova, E.Sh. (2012). Specificika Severnogo teksta russkoj literatury kak lokal'nogo sverhteksta [Specificity of the Northern Text of the Russian Literature as a Local Supertext]. *Vestnik Severnogo (Arkticheskogo) federal'nogo universiteta. Seriya: Gumanitarnye i sotsial'nye nauki. – Vestnik of Northern (Arctic) Federal University. Series: Humanitarian And Social Sciences*, no. 1, pp. 121–129. (In Russian).
3. Kartashova, T.P. (2019). «Na magistrali», ili Razvitie zhurnalistiki Novonikolaevska v nachale XX v. [“On the magistral”, or Development of journalism in Novonikolaevsk at the beginning of the twentieth century]. In I.A. Ajzikova (Ed.). *Slovesnaya kul'tura Sibiri v obshcherossijskom i evropejskom kontekstah (XIX – nachalo XX v.)* [The Verbal Culture of Siberia in the All-Russian and European contexts (XIX – early XX century)]. Tomsk, Tomsk State University Publ., pp. 178–193. (In Russian).
4. Kashmenskij, N. (1913). Klyuch zimoj [The Rill in Winter]. *Zaural'skij kraj* [Trans-Ural region], no. 22, January 26, p. 3. (In Russian).
5. Kashmenskij, N. (1913). Krik orla. Sonet [The Cry of The Eagle. Sonnet]. *Zaural'skij kraj* [Trans-Ural region], no. 22, January 26, p. 3. (In Russian).
6. Kashmenskij, N. (1913). K solncu! [To The Sun!]. *Zaural'skij kraj* [Trans-Ural region], no. 1, January 1, p. 3. (In Russian).
7. Kashmenskij, N. (1913). Osvety [The Gleams] *Zaural'skij kraj* [Trans-Ural region], no. 39, February 16, p. 3. (In Russian).
8. Kashmenskij, N. (1923). *U polyarnogo kruga* [At the Arctic Circle]. Petrograd, Sever Publ, 47 p. (In Russian).
9. Kashmenskij, N. (1910). *Chary zemli: Stihotvoreniya* [Charms of Earth: The Poems]. Saint Petersburg, Energiya Publ, 84 p. (In Russian).
10. Dergacheva-Skop, E.I., Romodanovskaya, E.K., Blazhes, V.V., et al. (1982). *Ocherki russkoj literatury Sibiri: in 2 t. T. 1* [Essays of the Siberia Russian literature of, in 2 vols, vol. 1]. Novosibirsk, Nauka Publ., 606 p. (In Russian).
11. Sozina, E.K. (2012). Severnye narrativy nachala XX v. (M. Prishvin, K. Zhakov) [Northern Narratives of The Early 20th Century]. In A.V. Podchinenov (Ed.) *Dergachevskie chteniya – 2011. Russkaya literatura: nacional'noe razvitie i regional'nye osobennosti* [Dergachevskie chteniya – 2011. Russian Literature: National Development and Regional Features]. Ekaterinburg, Ural State University Publ, vol. 3, pp. 184–189. (In Russian).
12. Hansen-Löve, A. (1999). *Russkij simvolizm: Sistema poeticheskikh motivov* [Russian Symbolism. System and Development of Poetic motifs]. Saint-Petersburg, Akademicheskij proekt Publ., 512 p. (In Russian).
13. *Rukopisnyy otdel Instituta russkoj literatury (Pushkinskij Dom) Rossijskoj akademii nauk* [Manuscript Department of the Institute of Russian Literature (Pushkin House) of the Russian Academy of Sciences], coll. 289, aids 3, item, 884, p. 60. (In Russian).

Статья поступила в редакцию 27.11.2021;
одобрена после рецензирования 18.12.2021;
принята к публикации 28.12.2021.

The article was submitted 11.27.2021;
approved after reviewing 12.18.2021;
accepted for publication 12.28.2021.